

Поскольку Дурсли больше не висели над его головой, не было никаких травм, нанесённых ими, и не было навыков Окклюменции, Гарри наслаждался занятиями как никогда. Благодаря отсутствию боли уровень его концентрации резко возрос, и он мог легче, чем раньше, справляться со стрессовыми и мрачными мыслями, которые иногда появлялись.

Но остаток этого дня пролетел для него медленнее, чем переваривание каменных пирожков Хагрида. Так было всегда, когда по какой-то причине хотелось, чтобы он закончился. Хотя слова Гарри не остановили Рона от нападения на Крэбба, как ему сообщили, можно было не сомневаться, что Слизеринцы вынашивают план мести, который завершит все, что он сделал, с поклоном.

Кстати, о Роне: Гарри пытался и не смог от него отделаться, так и не сумев направиться прямо к цели.

"Ну, чем ты сейчас занимаешься, приятель?" спросил Рон, запихивая в рот тыквенную пасту. Вместо школьных принадлежностей у Рона, должно быть, был запас еды, потому что примерно половину времени, пока Гарри с ним разговаривал, его рот был полон, исключение составляли лишь моменты принятия душа, сна или уроков.

Было легко перенять его прежнее отношение к жизни, ведь он так долго придерживался его. Отчасти для того, чтобы вписаться в общество, а отчасти потому, что у него был определенный путь, не допускающий личностного роста.

"Без понятия, я просто собирался немного побродить", - пожал плечами Гарри, излучая беззаботное настроение.

"О, смотрите, если это не Потти и Проныра!"

Идеально. Хотя Пивз был не самым сговорчивым из полтергейстов, когда дело доходило до розыгрышей, его временная лояльность была гарантирована. Полная лояльность, когда дело касалось Фреда и Джорджа.

"Пивз, можно тебя на пару слов?" спросил Гарри, сохраняя ровный тон, поскольку любой признак отчаяния или раздражения только подтолкнет его к противоположному действию.

"Дай мне минутку", - сказал он Рону, останавливая его вытянутой рукой, пока тот накладывал на себя и Пивза чары "Глушения" и "Заметить-не заметить".

"У меня есть для тебя сделка, - начал Гарри, но его остановил гогот Пивза.

"Непослушный префект Потти заключает сделки с Пивзом! Что же мне делать?" Ухмылка расширилась, его взгляд бросил вызов Гарри.

"Отвлеки Рона, и я принесу тебе больше Вонючих и Водяных бомб, чем ты сможешь удержать".

Он тоже был серьезен. Если Пивз согласился на такую сумму, то самое меньшее, что он мог сделать в ответ, - это купить хорошую сумму, а может, и еще несколько безобидных шалостей. Фреду и Джорджу удалось воплотить свою мечту в реальность благодаря выигрышу Гарри в Тривизардном турнире, и, по словам Джинни, "Волшебная пицца Уизли" сейчас была одним из самых оживленных магазинов на Диагон-аллее.

"С Уизли весело шутить..." вслух подумал Пивз.

Гарри добавил. "Вот вам совет. Если тебе нужны новые идеи для розыгрышей, спроси профессора Лотара".

Пивз долго смотрел на Гарри, приближаясь, чтобы заглянуть ему прямо в глаза. Он не разрывал зрительного контакта.

Через мгновение Пивз кивнул сам себе. "Договорились. Если ты нарушишь свое обещание, Потти", - он потер руки, глаза радостно заблестели.

Он едва сдержал дрожь. Не то чтобы он не мог избежать Пивза, но где бы он ни находился, Филч или другой профессор обязательно следовал за ним.

"Я не буду". Гарри протянул руку, и через мгновение Пивз пожал ее, но не раньше, чем разразился малиновым гоготом, когда Гарри отменил оба заклинания. Гарри лишь несколько секунд наблюдал за тем, как Пивз мучает Рона, и весело хихикал, спасаясь от хаоса, который, несомненно, должен был возникнуть.

С тех пор как они в последний раз были в Выручай-комнате, прошло не так уж много времени, однако с тех пор произошло столько событий, что казалось, будто прошла целая вечность. Он проверил обстановку и, убедившись, что поблизости никого нет, открыл дверь, которая, закрывшись, исчезла за ним.

"Можешь перестать возиться, он здесь", - услышал он слова Джинни.

Его это позабавило, он знал, что терпение Гермионы было избирательным. "Извините за задержку, я попросил Пивза помочь мне бросить Рона". Гарри сел рядом с Невиллом.

"Серьезно, Гарри, расскажи нам сейчас, я не думаю, что Гермиона сможет долго терпеть", - Джинни ухмыльнулась от удовольствия, а Гермиона не стала протестовать.

"Мне тоже интересно", - признался Невилл, когда на столе появились закуски и напитки, любезно предоставленные Гарри.

"Они нам понадобятся, это очень важно".

Когда Невилл, Джинни и Гермиона неосознанно затаили дыхание, глаза Полумны печально замерцали.

"У Алистера был брат по имени Соломон. Он пропал без вести 74 года назад", - начал Гарри, и все посмотрели на него. Если он снова заговорил об этом, то в памяти всплыли все его воспоминания, и он использовал все свои навыки окклюменции, чтобы оставаться спокойным.

"После возвращения в Хогвартс я что-то почувствовал, мне нужно было отправиться туда, где бы это ни было. Я так и сделал, и меня привели в иллюзорную комнату. Прорвавшись сквозь неё, я попал туда, где мы нашли философский камень". Он взглянул на Гермиону, и ее глаза расширились.

"Как только я добрался до той комнаты, я нашел Соломона и других людей. Дамблдор держал в школе заключенных вампиров, которых морили голодом и плохо с ними обращались. Некоторые из них мертвы, в том числе одна беременная".

Голос Гарри затих, чтобы не казаться слишком дрожащим, хотя Джинни стремительно бледнела. Выражение лица Полумны не изменилось, а вот Гермиона ожесточилась. Невилл не пытался скрыть своего потрясения.

"Я связался с Алистером, а он связался с одним из своих друзей, и мы вместе перевезли заключенных в безопасное место с помощью появившегося Фоукса. Но Дамблдор принудил его к узам. Я еще не смотрел на них, но он прислал мне изображения типов уз, и, надеюсь, я смогу

ему помочь".

Он на мгновение остановился, чтобы перевести дыхание и дать понять, что информация дошла до остальных, хотя до него она еще не дошла. Говоря об этом, он лишь напоминал себе, насколько это реально. "Дамблдор использовал кровь Фоукса, которую тот невольно отдал, чтобы держать Соломона слабым, и благодаря тому, что Соломон выпил мою собственную кровь, которая все еще хранит следы слез Фоукса, это устранило многие причиненные повреждения. Он сейчас в замке Лотаир, восстанавливается вместе с остальными, кого мы освободили".

На мгновение в комнате воцарилась тишина, настроение было мрачным, пока Гермиона не заговорила решительно. "Вы покажете нам воспоминания? С того момента, как вы столкнулись с иллюзией, и до того, как вы ушли".

Гарри колебался. У него было предчувствие, что Гермиона попросит, и, хотя он знал, что она сильная, он не хотел, чтобы она или другие, если они решат посмотреть, пострадали так же, как он.

"Ты уверена?" - спросил он и, когда она решительно кивнула, посмотрел на остальных. "Вы тоже хотите посмотреть?"

Джинни кивнула, цвет лица был еще бледнее, чем обычно. "Есть шанс, что мы заметим что-то, что вы пропустили. У нас есть возможность не только наблюдать, но и осматривать окрестности".

Невилл кивнул в знак согласия. "Хотя я не был другом так долго, как Гермиона, я хочу предложить свою поддержку, а для этого мне нужно знать и понимать, что ты видел".

"Спасибо, я ценю это". Гарри хлопнул его по плечу и повернулся к Полумне, которая мягко кивнула в ответ.

Его желудок нервно затрепетал от того, что им предстояло увидеть: в центре появилось сито Пенсивера. Гарри не хотел смотреть еще раз и ждал, пока они закончат, заедая нервы неаполитанским мороженым. Он не мог насытиться этим лакомством, и с каждой ложкой оно, казалось, успокаивало его.

Когда они вернулись после просмотра его воспоминаний, он ожидал экстремальных реакций. У

него была своя, вызванная кошмаром из прошлого, и когда они вернулись, их реакция была почти такой же, как он ожидал.

Но чего он никак не ожидал, так это увидеть на лице Невилла выражение неприкрытого гнева. За все годы знакомства Гарри никогда не видел Невилла сердитым. Иногда он раздражался, всегда был застенчив в прошлом и уверен в себе в настоящем, но никогда не злился.

Однако его гнев был безошибочен: глаза сужены, кулаки сжаты, даже когда Гермиона сидела, заметно потрясенная, но ее разум работал сверхурочно. Гарри решил, что она записывает всё, что видит.

"Я не могу даже представить, что потеряю кого-то из своих братьев на такой долгий срок, я бы сошла с ума. А бедный Фоукс..." прошептала Джинни, делая глубокий глоток "Баттербира".

"Вот ублюдок!" Невилл громко зарычал, заставив Гермиону даже вскочить со своего обычного писательского ступора, и группа застыла, наблюдая, как Невилл зашагал на месте.

"Знаете что? В глубине души я думал, что в этом есть хоть капля правды, хоть капля того хорошего человека, которым все его считают. Но ведь ничего нет, правда? Вот и доказательство!" Он сплюнул.

Невилл указал на Пансиву. "Не говоря уже о том, что, находясь там, Джинни, Полумна и я согласны с Гермионой и, уверен, вы пришли к тому же выводу, что Волдеморт получил вдохновение для Темной метки через Дамблдора. Столько страданий, а почему? Потому что они разные. Вот и все. То есть да, некоторые вампиры опасны, но на меня чаще нападали обычные ведьмы и волшебники, чем вампиры, лично Беллатрикс, сука Лестрейндж".

Гарри не смог сдержать шока, когда появилась бутылка огненного виски. Невилл налил небольшую порцию в стакан и опрокинул его обратно.

"Простите, мне это было необходимо". Невилл вдохнул, затем выдохнул. "Если я больше никогда не увижу этого бородатого болвана, это будет слишком рано".

По комнате прокатился ропот согласия, поскольку Невилл говорил за всех них.

Затем глаза Гарри поймали взгляд Полумны.

"Полумна?" - тихо спросил он, подходя к ней.

Он ни разу не видел, чтобы она плакала, даже когда у нее были на то причины, и, как и у него самого, ее плач был тихим, настолько, что он не обращал на него внимания.

Слезы медленно стекали по ее лицу, и прежде чем Гарри успел что-либо предпринять, Полумна стремительно направилась к выходу.

"Полумна, куда ты идешь?" - крикнул он ей вслед, и, хотя она ответила более мягким голосом, чем обычно, ее слова каким-то образом донеслись до него.

"К профессору Лотару, я скоро вернусь".

Провожая ее взглядом, он быстро моргнул, полагая, что она обсудит с ним случившееся. Она обладала успокаивающим характером, поэтому, что бы ни случилось, Алистеру стало легче.

"Я могу рассказать тебе сейчас, хотя ты, наверное, уже знаешь.Браслет, который дал мне Алистер, позволяет мне общаться с ним мысленно", - сказал Гарри, возвращаясь на свое место.

Обе брови Джинни поднялись, когда Гермиона закончила писать и заинтересованно посмотрела на него.

"У меня были подозрения, и ты только что их подтвердил.На что это похоже?"спросила Гермиона.

"Поначалу странно, потому что иногда это были образы, и я с трудом могла нормально разговаривать, но сейчас я уже привыкла".

Джинни хихикнула.

Гарри вопросительно посмотрел на нее."Что смешного?"

"Ну, - начала она, наклонившись вперед, и Гарри пожалел, что спросил, услышав ее следующие слова. "Сколько пикантных фотографий вы отправили друг другу? Это мысленный разговор, так что никто не должен знать..." Она подчеркнуто вздернула брови и рассмеялась, когда Гарри прошипел.

"Ни одного, клянусь!"

Джинни усмехнулась. "Неа, я на это не куплюсь. Это же так очевидно, что ты к нему равнодушна. Давай, выкладывай".

"Я не буду вмешиваться". Невилл ловко выкрутился из ситуации и подошел к Гермионе. "Итак, что ты пишешь?"

Пока Невилл и Гермиона вступали в дискуссию, а Гарри пытался убедить Джинни, что они не использовали его для этой цели, он гадал, как Алистер отреагирует на неожиданный визит Полумны.

Когда Полумна направилась к кабинету профессора Лотара, она сама удивилась своим действиям. Она не плакала. Последний раз она плакала, когда умерла ее мать. Обычно она держала любую печаль в себе, чтобы справиться с ней наедине, или вылиwała часть своих чувств в пробковые ожерелья.

Хотя никто из них не знал, что Полумна была эмпатом, как и новая подруга Гарри, Лила. У нее не было возможности подойти к ней и предложить помощь. Полумне приходилось справляться самой, и со временем она научилась блокировать чужие эмоции и не позволять им проникать в ее собственные. Как только Лайла проснется, она предложит помощь.

Она не могла почувствовать профессора Лотара, скорее всего, из-за его большого возраста и опыта. Никто не мог увидеть его внутренние переживания, если только он не доверял им настолько, что не позволял этого.

За лето Полумна развила в себе способности провидицы, которые передались ей по материнской линии. Сейчас она могла видеть будущее лишь на несколько дней вперед, но и это было не так уж много.

Она знала, что что-то вызовет большой переполох, но не знала, кто и когда. В лучшем случае она могла предупредить себя, а поскольку информации было очень мало, не было особого

смысла делиться тем, что она знала, пока ее способности не разовьются настолько, что смогут помочь.

Но этого она не ожидала. Пусть даже только в виде воспоминаний, но она переживала эмоции так, словно они принадлежали лично ей. Выражение облегчения и любви на лице профессора, когда он воссоединился со своим братом, и незнание того, жив он или мертв все эти годы, пока он находился в почти полной изоляции, наполнили ее печалью.

Пусть он выздоровеет, пусть ему станет немного лучше, когда Соломон найдётся, но это не сотрёт ту боль, которую профессор Дамблдор причинил братьям за прошедшие десятилетия.

Полумна хотела по-своему помочь профессору Лотару, и, как его друг, она была рада этому. Каждый человек заслуживает утешения со стороны другого, кем бы он ни был.

Положив перо на стол, Алистер едва сдержал вздох. Как бы ни развивалась культура волшебников, самые простые вещи оставались в прошлом, как, например, настойчивое требование пера, чернил и пергамента. Хотя он ценил быстроту Биро, он всегда любил каллиграфию, и его почерк отражал это. В конце концов, у него была целая вечность, чтобы довести его до совершенства.

Он был более чем счастлив дать жителю Полтергейста несколько советов, как Пивз обратился к нему ранее, хотя Минерва была бы недовольна, если бы узнала, что он это сделал. У него было подозрение, что это дело рук Гарри, ведь он был единственным, кто знал о его любви к шалостям, кроме Соломона и Руперта.

От размышлений его вернул стук в дверь, и, как только она открылась, его встретила мисс Лавгуд.

Он встал и не успел поздороваться, как маленькие руки нежно обхватили его за плечи, неся с собой успокаивающую вибрацию ее магии. Казалось, она окутала его, словно теплое одеяло накинули на плечи, и мягкость просочилась в кожу. Хотя ему еще ни разу в жизни не требовалось вдыхать воздух по какой-либо причине, у него возникло желание сделать это, и вместе с ним стрессы его вечной жизни стали казаться не такими сильными.

"Все в порядке, мисс Лавгуд?" - спросил он, обеспокоенно возвращая ей объятия.

"Все будет хорошо. Вы мой друг. Даже если это совсем немного, я хочу помочь. Каждый

заслуживает счастливых объятий". Ее голос дрожал от искренности.

На его лице мгновенно расцвела улыбка. За все годы его жизни это была одна из самых приятных вещей, которые он слышал от кого-либо. Он понял, почему она была одним из друзей Гарри. Воистину, она оставалась слишком чистой для этого мира, каким он стал сейчас.

Когда она отстранилась, ему стало легче. "Спасибо, мисс Лавгуд, вы очень добры".

Одарив его открытой и искренней улыбкой, Полумна направилась к выходу, пожелав ему хорошего дня.

Хотя он согласился на эту работу только для того, чтобы быть ближе к Дамблдору и присматривать за Гарри, Алистер был рад, что работа оказалась гораздо более полезной, чем он предполагал. На его лице играла мягкая улыбка, а секрет того, как он смог добиться столь многого за столь короткое время, оставался с ним до сих пор, к большому разочарованию Минервы.

Пытаться убедить Джинни, что он не виновен в том, что послал Алистеру что-то непристойное, было всё равно что пытаться убедить Рона, что еда не является необходимой вещью каждый час каждого дня; невозможно.

Почувствовав, что Джинни достаточно поддразнила Гарри, она присоединилась к Невиллу и Гермионе, которые ждали возвращения Полумны.

К счастью, Алистер не застал его врасплох, когда тот заговорил, и он смог спокойно съесть последний кусочек мороженого, не проглотив его неправильно.

Гарри, ты не знаешь, почему мисс Лавгуд попала в беду? Меня только что навестила она и обняла меня. Хотя я чувствую себя лучше, мне интересно, почему".

Гарри улыбнулся про себя, хотя в его улыбке чувствовалась грусть.

Я показал всем, что произошло под школой, и рассказал о том, что Дамблдор держит заключенных. Я не уверен, что Полумна увидела что-то конкретное в моей памяти, но, возможно, именно это и привело к этому".

'Ah, I see. Хотя, если бы у меня была возможность, я бы предпочел, чтобы ты была в моих объятиях".

Зная, что его друзья в курсе, Гарри мужественно пытался сдержать появившийся румянец.

Как ты можешь так непринужденно говорить о чем-то постыдном?

Это многолетний опыт и удовольствие от того, что я тебя дразню".

Небрежное подмигивание.

Конечно. Не то чтобы Гарри был против, но он был благодарен за маленькие благословения, например, за то, что Джинни не смотрит на него прямо сейчас.

Если ты будешь слишком сильно этим наслаждаться, я долго не протяну".

Мелодичный смех Алистера лишь подтвердил его слова.

С мисс Уизли, мистером Лонгботтомом и мисс Грейнджер все в порядке?

Гермиона уже давно что-то пишет, я полагаю, это записи о том, что она видела. Джинни сочувствует вам, у нее есть свои братья, и она не могла представить, что потеряет одного из них".

"Я бы никому не пожелал потерять брата или сестру".

Гарри услышал серьезность в его голосе.

Хотя мое сердце наполняется счастьем от того, что Соломон больше не потерян".

С этим Гарри мог согласиться. Те мимолетные грустные моменты, которые промелькнули в

выражении лица Алистера, сжимали его сердце. Хотя по собственному опыту он знал, что это нереально, его желание, чтобы Алистер всегда улыбался, оставалось.

А вот Невилл меня удивил, он был таким злым. Он был так зол. Дамблдору нужно быть начеку, иначе, думаю, он обнаружит себя задушенным каким-нибудь гнусным экзотическим растением".

Теплое хихиканье.

Вот на это я бы хотел посмотреть. Мистер Лонгботтом производит на меня впечатление тихого, но уверенного в себе человека. Говорят, что именно тихие люди часто оказываются самыми смертоносными".

Он не мог с этим поспорить. При звуке открывающейся двери он мысленно попрощался с Полумной и вернулся на свое место.

Она мягко улыбнулась ему, выглядя лучше, чем когда уходила. "Теперь ему лучше".

"Рад это слышать", - улыбнулся Гарри.

Она вопросительно посмотрела на Гермиону и поймала его взгляд. "Заметки о том, что я видела в твоей памяти. А еще у меня есть идея".

Гарри кивнул, глядя в ее глаза, в которых читалась решимость. "Хотя я ценю все, что ты мне рассказала, и что мои навыки окклюменции хороши, они недостаточно хороши, чтобы выдержать атаку профессора Дамблдора, и если он чего-то хочет, то бессмысленные воспоминания в качестве отвлекающего маневра не сработают. Я полагаю, что если профессор Дамблдор атакует ваш разум и вы не сможете остановить его, профессор Лотэр сможет помочь вам. Но у нас, - она указала жестом на себя, Джинни, Невилла и Полумну, - такой возможности нет. Хотя я всё равно включу вас в список, поскольку понимаю, что он не всегда может быть рядом, чтобы защитить ваш разум в случае необходимости. Но что, если мы частично удалим наши воспоминания?"

"Что значит частично?" спросил Гарри, не понимая ход мыслей Гермионы.

"Когда мы используем сито в качестве хранилища, воспоминания полностью удаляются из нашего разума, остаются фрагменты-напоминания, когда мы хотим их просмотреть, но если ты не решишь снова поглотить свою память, то останется пустое место.Окклюменция запечатывает их за защитой по нашему выбору, но в остальном они по-прежнему доступны любому.Если они находятся в каком-то месте, известном только нам, и единственный способ вспомнить их - это слова или фразы-триггеры, Дамблдору будет невозможно их обнаружить".

Она передала Гарри другие свои записи, наполненные идеями по защите их разумов."Но мысль о том, что Дамблдор может узнать о том, что вы нам рассказали, и обо всех изменениях, произошедших с вами за лето, не дает мне покоя".

Он просмотрел ее записи, как всегда четкие и ясные.Она никогда не переставала впечатлять его.

"Почему бы вам не сходить к профессору Лотару?Он мог бы помочь".

Гарри собирался поделиться своими знаниями о Волдеморте, но подумал, что лучше не стоит, по крайней мере пока.Он уже бросил бомбу титанического масштаба, и пусть то, что он им рассказал, сначала уляжется.

Гермиона была права, ему была гарантирована определенная защита, но без поддержки Алистера Дамблдор мог легко перебрать в голове необходимую информацию, если бы захотел.Чем меньше внимания Дамблдор уделял своим друзьям, тем лучше, хотя, если бы Дамблдор узнал информацию, он бы ни за что не стал действовать в соответствии с ней.

Видя, что Гермиона, вероятно, разрывается между тем, чтобы обратиться за помощью к кому-то более опытному, и тем, чтобы найти решение самостоятельно, просто потому, что ей предстоит много часов провести в Библиотеке, Гарри сказал ей то, от чего она не могла отказаться.

"У вас в школе профессор - полуторатысячетный вампир.Только подумайте, сколько знаний у него есть.Он может рассказать тебе и о библиотеке замка Лотэр..."

"Гарри, это нечестно".Она огрызнулась, но тут же смирилась."Хотя я люблю сложные задачи, но время не терпит.И было бы неплохо узнать побольше о библиотеке..."

Уже по первым словам Гарри понял, что убедил ее.

Извините, что снова обращаюсь к вам так скоро, вы сейчас заняты?

Гарри мягко покачал головой.

Гарри, в любое время суток мне всегда приятно с вами поговорить. Нет, я свободен".

Хорошо, потому что сейчас вы познакомитесь с Гермионой в любопытном режиме. Она хочет защитить разум каждого от Дамблдора, так как я рассказал им информацию, касающуюся меня и вас. Ей нравится решать проблемы в одиночку, но мне удалось ее покорить, упомянув о библиотеке и богатстве знаний в вашем замке".

Хотя она не говорила со мной подробно, в ее глазах горит желание искать знания, независимо от их формы. Она более чем рада задавать мне вопросы. Да и мне самому любопытно узнать, что же такое Переворачиватель времени".

Ему очень хотелось бы увидеть ее реакцию на это.

Вам понравится ее реакция, я гарантирую это".

Услышав в голове остатки смеха Алистера, Гарри быстро обернулся к Гермионе, которой не терпелось уйти.

"Он сказал, что свободен, задавай все вопросы, какие хочешь", - кивнул он головой в сторону двери. "Не волнуйтесь, остальное, что я хочу сказать, может подождать".

Коротко попрощавшись с ними, Гермиона ушла, и Гарри наполовину удивился, что она не начала бежать.

За разговором между Невиллом и Полумной Джинни повернулась к Гарри с нехарактерным для нее нерешительным выражением лица. Такого Гарри еще не видел - такой уверенной и уверенной в своих действиях она стала после того, как перестала обожать его.

Как ни странно, Джинни обнаружила, что борется с собственным разумом, решая, что ей делать. Когда василиск был мёртв, она думала, что на этом всё закончится. Но когда Гарри

рассказал им об Аэле, её охватило неопишное волнение. Хотя она не сказала Гарри, что была в ужасе. Благодаря Гарри она поняла, что Аэла тоже не контролировала свои действия.

По сей день ее мучили кошмары, ей не предложили профессиональной помощи, а Дамблдор уверял, что "время все вылечит". Единственное, что дало время, - это улучшение навыков окклюменции и обретение способности запереть некоторые воспоминания. Хотя дневник исчез, воспоминания о первом курсе остались.

Хотя она доверяла Гарри свою жизнь, личная встреча с Аэлой могла бы хоть немного прояснить ситуацию.

Гарри ничего не сказал, продолжая ободряюще ждать, пока Джинни заговорит.

"Гарри, можно я пойду с тобой к Аэле?"

Из всего, что она могла сказать, он не ожидал именно этого. Однако у него не было причин отказываться, и он догадывался, почему. При этой мысли он почувствовал себя виноватым. Конечно, у нее все равно останутся проблемы: первые два года обучения в Хогвартсе ему неделями снились кошмары о палате и Аэле, а также Дурсли и даже один или два Квиррелла.

Хотя у него были свои проблемы, он никогда не пытался стать ей настоящим другом до прошлого года. Она была похожа на него в том смысле, что предпочитала справляться с проблемами самостоятельно, а не просить помощи.

"Конечно, сейчас мне больше нечем поделиться, так что не хочешь ли ты пойти со мной?"

Хотя она и просила, но не ожидала, что сможет пойти сразу же. Несмотря на это, Джинни решительно кивнула. "Да".

"Полумна, Нев, мы отправляемся в палату. Хочешь пойти с нами?" - спросил он, как только в их разговоре наступило затишье.

"Нет, спасибо, Гарри, я хочу увидеть Брио".

При этих словах он понимающе улыбнулся, подозревая, что Полумна видит в Брио нечто большее, чем просто наставника, хотя ему было неизвестно, понимает ли она это. В любом случае, он никогда не видел ее такой счастливой и был рад, что она нашла кого-то, кто может сделать это для нее.

"Домашнее задание по зельям". Невилл натянуто улыбнулся. Его отношения с профессором Снейпом улучшились, и он был удивлен, что его приняли с оценкой "Превосходит ожидания". Тем не менее, ему было легче.

Кивнув в знак согласия и попрощавшись, Гарри вместе с Джинни отправился в палату.

Хотя Гермиона знала, что Гарри ожидает от нее, она не стала бежать к месту назначения. Вместо этого она шла в своем темпе, размышляя.

За лето в ней произошли свои собственные изменения. Некоторые из них заметил Гарри, а другие не были заметны никому, кроме неё самой. В детстве она была без друзей: сверстники либо не хотели играть с тем, кто предпочитал читать книги, либо пугались ее интеллекта. Но проблема была не в этом, а в том, как она вела себя в то время и в начале обучения в Хогвартсе.

Ее властный характер отталкивал людей, и она не понимала, почему они не могут понять концепцию того, что кажется таким простым. Инструкции о том, как правильно поступать, часто звучали так, будто она считала себя выше всех, даже если на самом деле все было наоборот.

Это был недостаток характера, причем большой. Но с годами он исчезал, сменяясь пониманием. Начиная с прошлого и нынешнего года, Гермиона сделала шаг назад, чтобы позволить Гарри заниматься своими делами, тем более что он больше не нуждался в ее помощи. Возможно, он никогда и не нуждался в ней - ее властная личность вступала в противоречие с его прошлой застенчивостью, так что она не могла услышать его голос, даже если он знал, что делать.

Теперь, когда Гарри было позволено выйти из своей раковины и быть самим собой, они не так часто конфликтовали. Она была благодарна ему больше, чем могла бы выразить, ведь он оставался её другом, несмотря ни на что. Хотя то, что он раз или два помог ей спасти его жизнь, несомненно, помогло.

Еще одна вещь, которую она поняла, - это типы интеллекта. Пересказывать страницы слово в слово, учитывая контекст, и безупречно отвечать на вопросы - все это было естественно

благодаря ее памяти. Но Гарри тоже был умным. Новаторский и быстрый.

Она никогда не имела удовольствия познакомиться с родственниками Гарри вживую, только на расстоянии. И она хотела, чтобы все так и оставалось. Она столько раз приглашала Гарри погостить у нее, и всегда сначала была озадачена и обижена, почему он не может этого сделать. Лишь позже она узнала, что дядя Гарри не хотел, чтобы он проболтался о том, что над ним издеваются. Одна мысль об этом заставляла магию трещать в ее теле, а тугие локоны вставать дыбом.

Любопытство и стремление к знаниям, которыми она обладала в прошлом, часто перечеркивали отношение людей к ним, и, сама того не подозревая, она причиняла им боль.

Теперь ее решимость была переориентирована. Она не повторит своих ошибок. Эта перемена была необходима не только для ее собственного личностного роста, но и для того, чтобы не оттолкнуть небольшую группу друзей, которые у нее были.

Она не любила скрывать свою истинную сущность, хотя и понимала, почему Гарри приходилось это делать годами в разных ситуациях. Хотя у неё было много вопросов к профессору, для всего есть своё время и место. Она не хотела произвести на него плохое впечатление, как это было со многими другими в её детстве. Хотя она не была уверена в его мнении о людях в целом, ведь на каждого такого человека, как Гарри, приходилось несколько Дамблдоров.

Людей в целом она не знала, но сам Гарри? Вампир он или нет, но профессор, похоже, не скрывал своего выражения лица, по крайней мере, рядом с ним. Гарри не вызывал никаких сомнений, поскольку в прошлом году она достаточно насмотрелась на Чо, чтобы понять, что они похожи.

Однако она считала, что это не просто влечение, по крайней мере, с точки зрения постороннего человека. Одно лишь упоминание его имени и взгляды, которыми они обменялись, когда Гарри решил, что она слишком поглощена чтением, были явным тому подтверждением. Что бы ни случилось, она желала ему удачи, и хотя ее доверие к авторитетам сильно пошатнулось, она готова была довериться профессору Лотару. Не только из-за Гарри, но и из-за того, что он делал для школы. Это было далеко не так, как в прошлом году: уроки были скучными и ограниченными, а за их пределами в сердца учеников вселялся страх.

Еще раз напомнив себе, что не стоит перегибать палку, Гермиона постучала в дверь.

Для Алистера все друзья Гарри оказались интересными. Хотя он общался только с мисс Лавгуд

и мистером Лонгботтомом, мисс Уизли также привлекла его внимание. Хотя родство между ней и мистером Уизли было безошибочным, он не мог не удивляться тому, что личности могут быть настолько разными.

Она излучала похожую энергию, но направляла ее в более разумное русло, в отличие от брата, который предпочитал выпускать ее на ближайшую цель. Мисс Уизли была боевым духом, если он вообще его видел.

Мисс Грейнджер, несомненно, была любопытна ему, а он, в свою очередь, был любопытен ей. Он задавался вопросом: если бы ей дали шанс, выросла бы Эмили в такую же молодую женщину? В мисс Грейнджер сохранилась та же искра интеллекта, что и в шестилетнем возрасте, пусть даже ее любопытство и стремление были чуть более интенсивными.

Он хотел поближе познакомиться с одним из немногих людей, внесших свой вклад в спасение жизни Гарри: по словам самого Гарри, без нее вероятность того, что и он, и мистер Уизли погибли бы, была бы гораздо выше.

Хотя Алистера редко удавалось застать врасплох, поднесенная к губам чашка замерла на полпути, и он моргнул, когда в его сознании возник невероятно реалистичный образ самого себя.

Без единого шва одежды он гордо стоял. Гордый весь, потому что другого слова Алистер подобрать не мог, а кожа, разогретая в ванной, блестела.

Несмотря на удивление от неожиданности происходящего, ему было приятно, что Гарри увидел его таким, а гиперактивный подростковый ум в отношении телосложения Алистера лишь немного заблуждался.

Хотя Гарри дразнил его больше обычного, Алистер не мог упустить такую прекрасную возможность.

"С такой тщательной прорисовкой моего обнаженного тела ты, по-моему, посрамил знаменитого художника Микеланджело".

Дразнящее подмигивание.

А-а-а, ты это видел?!

Алистер, посмеиваясь, наблюдал, как изображение быстро исчезает, сменяясь легкими звуками смущения.

Не то чтобы я хотел увидеть ваши самые сокровенные желания, но образ, который вы представили, был настолько сильным, что вы невольно спроецировали его в мой разум".

Я никогда не смогу оправиться от этого, пока жив".

Это было сказано с такой серьезностью, что Алистер не смог удержаться от смеха.

Не стоит беспокоиться, Гарри, это совершенно естественно. Могу ли я сказать, что вы очень хорошо меня запечатали? Я с удовольствием выделю время для создания портрета в реальной жизни".

Услышав в ответ писк, он захихикал: ему нравилось слушать и наблюдать за его реакцией, и она никогда не надоедала. Стук в дверь дал Гарри некоторую передышку: его воображение было достаточно активным, чтобы представить себе очаровательный румянец, которым он обладает.

На радостный призыв войти Гермиона так и сделала, закрыв за собой дверь.

"Добрый вечер, профессор", - спокойно поприветствовала она его, хотя в ее глазах недвусмысленно светилось волнение.

"Добрый вечер, мисс Грейнджер", - с приветливой улыбкой ответил он, жестом приглашая ее сесть.

Она с интересом обвела глазами комнату. В его убранстве царил баланс, и он владел более чем несколькими книгами. Заметив это, она тут же перевела взгляд вперед, подальше от самого большого отвлекающего фактора, которым она с удовольствием занялась бы.

Она с интересом изучала его, сохраняя непринужденность во взгляде, чтобы не показаться

грубой. Она уже знала его истинный цвет глаз благодаря Гарри, и ей было жаль, что из-за Дамблдора ему приходится скрывать часть своей сущности. Она думала, что с возрастом мудрость становится частью комплекта, но, как оказалось, ошибалась уже не в первый раз.

"Вы предпочитаете освежиться?" - спросил он, когда на столе, к ее удивлению, появился кувшин с тыквенным соком и кубок.

Хотя внешне она никак не проявляла своих мыслей, это было наглядным доказательством того, что многое из ее знаний о вампирах оказалось неправдой. Раньше она считала, что все нехудожественные книги - это факты, но теперь она воспринимала информацию с большой долей соли.

"Лимонную воду, пожалуйста". Как только она произнесла это вслух, появился стакан с кубиками льда и лимоном на гарнир.

Это был один из ее любимых напитков. Не слишком заботясь о здоровье, как ее родители, она все же переняла несколько полезных привычек. Она не возражала против чая или кофе, но обычно предпочитала фруктовые или натуральные напитки.

Хотя иногда, в глубокой задумчивости, она любила пососать кончик сахарного пера, вместо того чтобы до крови выжимать губу. Естественно, ее родители об этом не знали.

К бокалу прилагались яблочные дольки, и она тихонько улыбнулась, оценив старания эльфов, которые недооценивали их. Правда, с некоторыми из них плохо обращались, но большинство получали удовольствие от своей работы, в чем она могла убедиться на примере Добби, самого причудливого из домовых эльфов.

"Чем я могу вам помочь, мисс Грейнджер?" поинтересовался Алистер, с любопытством наклонив голову.

Хотя, скорее всего, Гарри уже упоминал о чем-то, Гермiona коротко объяснила свою идею. "Я хочу найти способ защитить наш разум, оставив воспоминания где-нибудь за щитами Оклюменции или в Пенсильваниях, чтобы избежать обнаружения, но если понадобится, фраза или ключевое слово, чтобы вызвать их временное возвращение".

"Понятно, - Алистер отпил из своего бокала, задумавшись.

Гермиона оказалась здесь благодаря собственному любопытству и словам Гарри, но не ожидала, что будет вести с ним беседу на равных. Наличие кого-то, с кем она могла бы поделиться своими идеями, очень помогло ей, и она стала записывать все подряд. Она вела разговор плавно, рука с трудом справлялась с темпом, в котором бежали ее мысли.

Он не говорил ей, что нужно делать, но его слова вызвали достаточно идей, чтобы значительно сократить время, необходимое для того, чтобы все получилось. Конечно, в одиночку время, которое потребуется для этого, может оказаться опасным.

"Спасибо! У меня столько идей, что я не знаю, что делать!" - она с нетерпением просмотрела свои записи, а затем положила их обратно в сумку.

С удовольствием откусывая кусочек яблока, Алистер мягко улыбается. "Приятно общаться с человеком, который так увлечен учебой. У меня есть свой вопрос, если позволите".

"Конечно", - кивнула она в знак согласия, формулируя ответы на возможные вопросы.

"Что вы знаете о Переворачивателях времени?"

Не ожидая этого, она комично расширила глаза, слова замирали в горле, и она стала похожа на рыбу, вынырнувшую из воды.

Был только один человек, который мог знать и рассказать об этом профессору. "Гарри?" - устало прошептала она.

Получив его кивок, она отчаянно попыталась связать одно предложение.

"Видите ли..." Остановившись перед тем, как начать, она поморщилась от своей чрезмерной настойчивости. "Профессор МакГонагалл разрешила мне использовать Поворотное устройство времени, чтобы я могла посещать все доступные занятия, а не только выбранные мной предметы. Кроме того, что я использовала его на уроках, мы с Гарри в итоге спасли жизнь невинному человеку и гиппогрифу".

Она вкратце рассказала о том годе, но, если не показывать ей воспоминания, это потребовало бы много объяснений. Это был не самый умный момент в ее жизни, но она утешалась тем, что помогала другим.

Хотя он уважал и любил Минерву, Алистер задавался вопросом. Почему она позволила подростку изменить саму ткань времени?

Преобразователи времени были невероятно тонкими, и, хотя он знал, что мисс Грейнджер очень способна, она, будучи гораздо старше себя, совершила одну простую ошибку, и этого оказалось достаточно, чтобы изменить все, что они когда-то знали.

Выглядя так, будто она вот-вот провалится под пол, он успокоил её. "Мисс Грейнджер, я не собираюсь наказывать вас за события, которые произошли задолго до нашей встречи".

Он рассмеялся, услышав ее облегченный вздох, и согласился с Гарри. Это

было

забавно было видеть ее такой расстроенной.

Гермиона вернула себе самообладание с помощью лимонной воды. Хотя она не могла дать себе молчаливое обещание, что сдержит его, обдумывая свой следующий вопрос. "Что представляет собой ваша библиотека? Гарри немного рассказывал мне о ней".

"О, это удивительное место, хотя мои путешествия на протяжении веков гарантировали, что оно по-прежнему хранит множество знаний. Будет проще, если вы сами увидите всю эту красоту".

Инстинктивно поняв, что он имеет в виду, Гермиона посмотрела прямо в глаза Алистера, и через мгновение перед ней возник настолько яркий образ, словно она сама была там. Эти несколько секунд отпечатались в ее мозгу.

Она не смогла сдержать восторженного вздоха. "Это потрясающе!" - завопила она, поспешно затихая. "Я никогда раньше не видела ничего подобного, правда".

"Я вижу, что вы любите библиотеки и знания, которые в них хранятся", - заметил он, довольный тем, что ценитель книг не пропал.

"Библиотеки для меня как второй дом.Моя первая в начальной школе была маленькой, но уютной.В детстве у меня не было друзей, поэтому я проводил там свободное время, помогая библиотекаря, заботясь о книгах, с которыми другие плохо обращались".При этой мысли у нее зануло сердце, и она допила остатки воды."К тому времени, когда я приехала сюда, я прочитала большинство, если не все, книг из школы.А потом библиотека Хогварта возобновила мою страсть к ним.Как бы я ни любила книги, своих друзей я люблю больше.Без них я бы никогда не захотел покидать Библиотеку.Это был способ сдержатъ одиночество".

Она не часто вспоминала о своём детстве.Хотя оно не шло ни в какое сравнение с тем, через что пришлось пройти Гарри, у неё были любящие родители, которые заботились о её благополучии, даже если иногда не понимали её.Хотя за лето она нашла время, чтобы объяснить им больше, и была рада, что ее больше не держат в неведении.

"Хотя я знаю, что во всем мире есть впечатляющие библиотеки, в вашей есть что-то особенное.Я не могу сказать, что именно, но, хотя я видела только картинку, она... вызывает у меня отклик.Она такая просторная, гостеприимная".Она блаженно вздохнула.

Хотя Алистер гордился их библиотекой, он никогда не видел, чтобы человек так радовался тому, что многие воспринимают как должное.В каждом ее слове слышалась забота о книгах.Если бы представилась возможность, он спросил бы, не хочет ли она лично осмотреть библиотеку, зная, что с книгами будут обращаться уважительно.

Они провели некоторое время за обсуждением книг, Гермиона выясняла предпочтения профессора, но, как и она, ценила все книги, даже такие, как книга Локхарта, за то, что они могут предложить.Не за их содержание, а за то, что из них можно извлечь.Поучительная история для тех, кто хочет знать только правду.

Затем последовал следующий вопрос, который хотела задать Гермиона.Обычно ее собственное стремление к знаниям преобладало над всем остальным, но сейчас она была готова к этому.Она тщательно обдумала свои слова.

"Что бы вы ни хотели спросить, я дам ответ, если он есть".

Его улыбка ободрила ее, а колебания отошли на второй план."Как поживают ваш брат и остальные?"

"Пока что они в порядке, спасибо за заботу".Его улыбка на мгновение стала грустной."Боюсь, время покажет, особенно для Соломона.Скорость исцеления зависит от возраста, но я не знаю других вампиров, которые пережили бы это так же, как он".

Понимая это, Гермиона задумалась, можно ли провести какое-нибудь исследование на стороне. Возможно, она могла бы найти что-то, что помогло бы ей в этом, хотя вероятность того, что она знает что-то, чего не знает профессор, была невелика.

Время шло, а Гермиона все думала и думала над своими вопросами, а не задавала их один за другим. Она не делала записей, несмотря на то, что хотела быть там в данный момент, но собиралась сделать это после ухода.

Чем больше Гермиона узнавала, тем больше понимала, насколько все они ошибались. Большая часть информации, которую она знала, была ложной и, скорее всего, написана предвзятыми авторами. Желая исправить эту ошибку, она разработала план.

Если Локхарт мог издать книгу, то почему бы и ей не издать? Придется писать под псевдонимом, но если она сможет точно изобразить вампиров, то, возможно, это будет способствовать развитию непредвзятости.

Хотя на это потребуется время, Гермиона была полна решимости сделать это. Уроки и тренировки не давали ей покоя, но это могло бы стать её маленьким побочным проектом.

После того как Гарри попытался убедить Джинни, что он не делится откровенными изображениями через ментальную связь с Алистером, что должно было произойти?

По дороге в туалет для девочек Гарри пришлось потратить все свои силы, чтобы сохранить самообладание, но, несмотря на внутренние протесты, румянец всё же появился.

Ему нравилось разговаривать с Алистером, когда у него возникало желание, но с тем количеством дразилок, которые он любил регулярно устраивать, Гарри не доживет до окончания школы.

Джинни встретила с ним взглядом, открыла было рот, но остановилась, уставившись на него. Сузив глаза, она озорно ухмыльнулась. "Итак, о нашем предыдущем разговоре..."

"Какого разговора? Я не помню". Гарри притворился невежественным и поспешно ускорил шаг, слыша за спиной довольное хихиканье Джинни.

Поблагодарив себя за то, что отвлекся от дел, Гарри произнес знакомые слова входа и увидел,

что комната снова открылась.

Он повернулся к Джинни, которая стояла чуть поодаль, не в силах скрыть свою нервозность.

"Все будет хорошо, обещаю", - ободряюще улыбнулся он, и она слабо улыбнулась в ответ.

Джинни на мгновение закрыла глаза, и они снова открылись, наполненные жгучей решимостью. Гарри одобритительно кивнул, спустился первым и стал ждать Джинни внизу.

Хотя Джинни была уверена в себе, совсем не похожа на себя на первом курсе, когда она была влюблена в Гарри и все, что произошло, ей потребовалось огромное количество смелости, чтобы спросить Гарри, может ли она пойти с ним сюда.

Ей надоело терпеть проблемы с поведением Рона и мамины напоминания о необходимости присматривать за ним. Ему было шестнадцать, даже если он так себя не вел, Джинни не была его хранительницей. А тут еще школьные дела и постоянные кошмары не давали ей покоя.

Она не хотела бояться, что то же самое повторится в этом году, несмотря на то, что Дневник больше не был проблемой. Поскольку большую часть года она провела, не осознавая собственных действий, кошмарам не хватало яркости. Единственным воспоминанием об Аэле была вспышка чешуи и желтые глаза. Даже находясь в палате, она не видела её как следует, всё время находясь в бессознательном состоянии, а когда приходила в сознание, то не смотрела на неё, уходя вместе с Гарри, Роном, Локхартом и Фоуксом как можно быстрее, не желая задерживаться ни на секунду.

Но скольжение по трубе вслед за Гарри лишь сделало его более реальным, хотя он был благодарен за отсутствие слизи и костей животных, когда достиг дна.

Гарри неосознанно замедлил шаг, чтобы сравняться с ней, за что она была ему благодарна. Ей хотелось поскорее добраться до палаты, но в то же время она никогда не хотела туда попасть. Несмотря на внутренние проблемы, палата, в которой она провела всего несколько часов, отпечаталась в ее памяти. При виде знакомых вспышек, складывающихся в целую картину, Джинни остановилась, напряжение пробежало по всему ее телу.

Да ладно, ты же сталкивалась с Пожирателями смерти, что такое огромная дружелюбная змея?

пошутила она, чтобы развеять мрачные мысли.

Она видела, что Гарри не сводит с нее глаз, даже когда он шел вперед, и от звуков парселтонга по ее позвоночнику пробегали мурашки. Она собралась с силами и применила все свои навыки окклюменции, чтобы подготовиться.

Однако, несмотря на все усилия, ничего не получалось. Когда рот статуи Слизерина открылся и показалась пара желтых глаз, которые она так хорошо помнила, а также тело, которое, казалось, никогда не кончится, она стремительно побледнела. Конечно, она слышала от Гарри о размерах, но увидеть это своими глазами...

Ей потребовалась вся сила воли, чтобы удержаться на ногах, сердце бешено стучало, а кровь билась в жилах.

Она глубоко вздохнула. Неосознанно она задержала дыхание, а сейчас оно было просто необходимо.

Незаметно для себя она заметила, что Гарри разговаривает с Аэлой, и замедлила шаг в ответ на его поспешное шипение. Хотя Гарри уже сказал им, что теперь она контролирует себя и её взгляд будет воздействовать только на тех, кто желает ей зла, она всё равно не могла смотреть прямо на неё.

В отличие от шипения обычной змеи, шипение Аэлы, казалось, отдавалось во всём теле Джинни. Она смотрела на Гарри, охваченная тревогой и не в силах унять дрожь, хотя и старалась сохранить ровный тон голоса. "Что она сказала?"

Гарри бросил грустный взгляд на Аэлу и посмотрел в глаза Джинни. "Она поздоровалась и сказала, что ей жаль, что ты тоже стала жертвой".

При этих словах Джинни почувствовала укол сочувствия и, собрав остатки мужества, посмотрела на Аэлу прямо и была потрясена тем, что увидела.

Гарри успокаивающе погладил ее по голове. Теперь, когда она смотрела, она не могла отвернуться, и вместо желтых, полных злобы глаз она увидела лишь раскаяние и печаль, такие сырые и человеческие, что она физически отступила назад.

Несмотря на страх и адреналин, готовый вот-вот вырваться наружу, Джинни не понравилось это выражение, и она, дрожа, вернулась на прежнее место.

"Ты можешь прикоснуться к ней", - сказал ей Гарри с ободряющей улыбкой на лице. "Просто думай о ней как о чешуйчатой собаке, она любит, когда ее гладят".

Джинни захихикала, переводя взгляд с руки на Аэлу и обратно. У нее получится. Она повторяла эти слова, проходили минуты.

Затем она неуверенно протянула руку и медленно, крепко сжала ее другой рукой, пытаясь унять дрожь. Несколько раз сглотнув, она коснулась пальцами чешуи, с удивлением обнаружив, что, несмотря на грубый вид, она очень гладкая.

Внутри все кричало: защищаться или бежать, драться или бежать, несмотря на отсутствие опасности.

Когда пальцы крепче сомкнулись на чешуе, Аэла в тревоге отдернула руку, из которой вырвался странный гулкий звук.

"Ей это нравится. Все будет хорошо, просто не торопись", - мягко подбодрил Гарри.

"Спасибо. Улыбнувшись ему более уверенной улыбкой, она продолжила гладить Аэлу, постепенно привыкая к ощущениям, хотя все еще оставаясь на грани.

Все это время Гарри не сводил глаз с Джинни. Он не мог представить, что творится у нее в голове, но постарался сделать все возможное, чтобы поддержать ее, и, памятуя о возбудимом характере Аэлы, попросил ее подходить к ним медленно. Он был рад, что она решилась на этот шаг, и знал, что это поможет ей избавиться от демонов, особенно если пара сможет общаться с ним как с переводчиком. Общение здесь играет ключевую роль, и он был уверен, что это поможет.

В конце концов Гарри и Джинни уселись с помощью наколдованных подушек, и медленно, но верно она начала расслабляться. Напряжение покинуло ее плечи, когда она продолжила разговор с Аэлой, и она улыбнулась, нежно прижавшись головой к ее телу.

"Как василиск может быть милым?" - спросила она Гарри, недоумеая и в то же время радуясь,

что кошмары, надеюсь, больше не будут ей сниться.

"Это то, что я хочу знать, но ей это как-то удастся".И тут его осенила внезапная мысль.

"Джинни, ты сможешь побыть одна несколько минут?" - спросил он на всякий случай.

"Давай, мне уже лучше".Теперь, когда они поговорили друг с другом, пусть и не совсем обычным образом, Джинни больше не боялась неизвестности.

Успокоенный её словами, Гарри вернулся в комнату и через мгновение убедился, что сундук, который он пока не мог открыть, можно убрать на хранение.

Ему не потребовалось много времени, чтобы достать всё необходимое, и, вернувшись в палату, он улыбнулся, увидев Аэлу в её обычном свертке с Джинни, неуверенно прислонившейся к ней.

"Ты ей нравишься", - прокомментировал он, возвращаясь на свое место рядом с ней.

"Мне она тоже нравится.Я рад, что пришел сюда.Ты получил все, что тебе было нужно?"Она спросила, недоверчиво покачивая головой.

"Да, это сундук с защитой, не уступающей Гринготтсу, но я надеюсь, что там есть что-то, способное уменьшить Аэлу, чтобы она могла уйти со мной".Он с нежностью посмотрел на нее.

Джинни рассмеялась."Это было бы здорово!Представляешь, если бы Рон узнал, что воскрешенный василиск уменьшился и спрятан в твоей мантии?Он бы обделался".

"У меня возникает искушение напустить на него Аэлу, чтобы он отвалил и оставил меня в покое", - пробормотал Гарри, закатив глаза на все те случаи, когда Рон пытался их преследовать.

Джинни тихонько захихикала и расслабилась, закрыв глаза."Я давно не чувствовала себя так спокойно".

Для нее это был шаг вперед, и он был рад быть рядом и видеть это. Когда они сидели бок о бок в компании Аэлы, Джинни действительно имела в виду то, что говорила. Хотя она и не думала, что кошмары уйдут сразу же, сегодняшний день мог способствовать тому, что они перестанут быть проблемой.

Даже в разлуке Полумна могла определить, что рядом находится ее магия или что-то, чем она наполнена, например, пробковые ожерелья. Их не нужно было надевать, чтобы они работали должным образом, и сердце Полумны наполнилось счастьем, когда она поняла, что профессор Снейп сохранил её подарок, хотя она и не была уверена, где именно.

Когда у них выдавалась свободная минутка и они следили за временем в своем мире, Гермиона, Джинни и Полумна тренировались, но не доводили себя до того, чтобы не продержаться и дня.

Она не знала, как проходили тренировки Гермионы и Джинни, но из-за характера того, чему учил Брио, ничего не было поспешным. Иногда это было сложно, но никогда не вызывало стресса.

За всю свою жизнь Полумна никогда не была так взволнована, как в те несколько раз, когда она приходила к Брию. Если его не было рядом в течение нескольких минут, он обязательно приходил, оставаясь с Осенней фейри на время ее обучения.

У Луны не было определенного расписания занятий с Брию, она просто приходила к нему в гости. Она засекала время, когда входила в царство фейри и выходила из него, но за это время с ним прошло больше часов, чем можно было ожидать.

И хотя обычно мысли не задерживались в голове, сегодня она ничего не могла с собой поделаться. Хотя встреча с профессором и ее собственный способ помочь что-то дали, боль и страдания, связанные только с одним воспоминанием, заставили ее беспокоиться за свой мир, если бы в нем было больше таких, как профессор Дамблдор.

Желание исцелить переполняло её сердце, но она не могла этого сделать, хотя могла утешиться тем, что теперь все они в безопасности.

Все будет хорошо".

сказала она себе, и ее обычная яркая улыбка слегка дрогнула.

С каждым разом мир становился все более знакомым, и даже нескольких секунд было достаточно, чтобы напряжение унесло мягким ветерком.

Хотя их миры были похожи по своей природе, атмосфера в них сильно различалась. Многие забыли о том, что дает им природа, и хотя в воздухе Хогвартса присутствовала магия, она была нарушена и испорчена. Многие темные волшебники прошли через эти залы, оставив свой след на физическом, эмоциональном и магическом уровне. Даже их смерть не могла стереть этот след.

Полумна чувствовала все это, и ее кожа неприятно трепетала. Она не знала, заметил ли это кто-то еще, хотя ее собственная магия находилась на противоположном конце шкалы.

Но здесь ничего подобного не было. Хотя она понимала, что на каждого темного мага в ее мире приходился или приходится эквивалент фейри, это ничуть не влияло на окружающую обстановку. Они не забыли о природе, и то, что каждый из них ходил босиком, было тому подтверждением. Поскольку к земле относились по-доброму, она, в свою очередь, хорошо относилась к ним.

"Здравствуй, Нихри, - мягко поприветствовала ее Полумна, которая обычно первой замечала Брио и направляла его к ней, если его самого не было рядом.

"Приветствую тебя, дитя Луны. Сэр Брио находится в лесу Эйрихдейл".

Хотя Полумна и заверила их, что они не прочь использовать ее имя, похоже, им придется делать это постепенно.

Луна сверкнула глазами и мягко улыбнулась: когда она пришла, то сразу заметила Брио, волосы которого, как обычно, были заплетены во французский хвост, он лежал лицом вверх и, судя по всему, смотрел на звезды.

Она не хотела его прерывать, но, хотя она практически молчала, когда вошла, он все равно заметил ее, и взгляд океана встретился с ее взглядом.

Брио стал чаще наблюдать за звездами, поскольку, не отвлекаясь на природу, он часто думал о Луне. Хотя мысленно он мог называть ее по имени, вслух это было совсем другое дело - он так привык обращаться к другим по титулам.

Но ему хотелось этого, и с каждой встречей он становился все менее подозрительным, убеждаясь в ее невинных намерениях. Сродство к магии исцеления требовало от человека спокойствия, а те, кто имел злой умысел, на такое не способны.

Он с любопытством погладил подаренное ему ожерелье: магия в нем мягко билась в такт с его собственным сердцем.

Но толку не было. Даже когда он смотрел на звезды, Луна всегда была у него на уме, бесконечный источник любопытства.

Он провел достаточно времени среди живых, чтобы уловить малейшую тревогу, а его глаза были одними из самых острых в его роду. Он не сразу почувствовал появление того самого человека, о котором думал, прежде магически, чем физически.

И потому он сразу заметил, что что-то не так.

Хотя главным фактором, влияющим на изменение природы магии, были природные способности или типы используемых заклинаний, определяющие, как магия действует на другого, эмоции играли не последнюю роль, причиняя боль или исцеляя.

Магия, которую он быстро узнал как магию Полумны, по-прежнему была теплой, успокаивающей, но в то же время с оттенком грусти.

Когда он приподнялся и заглянул в глаза Полумны, то безошибочно определил, что она не так давно плакала.

Сердце Брио сжалось. Это было совсем не то, что ему знакомо, и, чтобы убедиться, что физически все в порядке, он быстро проверил себя.

У него никогда не было никого и ничего, из-за чего можно было бы беспокоиться: все те, кого он учил, были взрослыми, и если они и проявляли эмоции, то наедине. Хотя некоторые фейри были более открытыми, большинство - нет.

Хотя его работа заключалась в лечении, он никогда не переступал границы между целителем и пациентом. Он не помнил, чтобы в детстве получал что-то близкое к ласке. Не то чтобы он ее ненавидел, но как правильно дарить или получать ее, он так и не смог найти ответа.

Несмотря на это, он не хотел видеть Полумну в расстроенных чувствах, а хотел, чтобы она всегда улыбалась - такое выражение лица ему редко показывали. Не успев додумать эту мысль до конца, он оказался лицом к лицу с ней, все еще не привыкший к разнице в росте.

Обычно путь вперед всегда был ясен, и он без долгих раздумий знал, что ему нужно делать. Но в этой ситуации у него возникли внутренние сомнения. Он знал, как утешить человека, и у него было желание это сделать, но что, если на практике все пойдет не так?

Впервые в жизни Брио не мог понять, какие возможны варианты развития событий.

Наклонив голову, он осторожно протянул руку, и следы слез застыли на кончиках его пальцев, когда они провели по ее щеке.

"Тебе больно, - тихо проговорил он, слегка нахмутив брови.

Его забота о ней превышала его собственные переживания, и он снова протянул руку, кончиками пальцев смахнув остатки слез. Прикосновение было таким нежным, что многие не поверили бы, что оно исходит от него.

"Мне больно за другого", - пояснила она столь же мягким тоном, но искренне улыбнулась, возможно, чтобы развеять его тревоги.

Однако, когда ее улыбка не достигла туманных от печали глаз, Брио на мгновение закрыл свои.

По своей природе он не любил рисковать и не делал ни шагу вперед, если у него не было четкой цели. Но когда она посмотрела на него без своей обычной яркой улыбки, это заставило его врасплох.

Он был ее наставником, и его обязанностью было следить за тем, чтобы она оставалась счастливой и спокойной, находясь под его опекой, однако он с облегчением услышал, что печаль окутала ее по другому поводу, а не потому, что ей причинили вред.

Тогда-то он и принял решение, впервые переступив эти границы. В прошлом он оставался профессиональным наставником и целителем, но с появлением Полумны она изменила все, что, как ему казалось, он знал.

Сердцебиение участилось от нервозности, и Брио протянул руку, инстинктивно не зная, куда ее деть. Догадавшись, он положил одну из них ей на поясницу и одним движением притянул ее к своей груди.

Вспомнив мягкое прикосновение ее пальцев к его волосам, он попытался повторить его, нерешительно проводя пальцами по своим. Это было совсем не естественно.

Но само ощущение не было неприятным. Даже очень. Ему нравилось, когда рядом с ним находилось маленькое и теплое тело, и он мог чувствовать биение ее сердца.

"Я понимаю, - пробормотал он, все еще неловко проводя рукой по ее волосам.

Когда Брио обнял ее, Полумна не смогла скрыть своего удивления. Она знала, что ему не свойственны ласки, и даже в его объятиях могла заметить, как странно он это воспринимает.

Хотя это было для него непривычно, его намерения и эмоции были понятны, его собственная магия обнимала ее так же, как и он сам.

Несомненно, это было лучшее, что она когда-либо получала, и в ответ она обхватила его руками, прижимаясь к нему. Хотя на самом деле с ней все будет в порядке, она очень ценила его доброту.

Почувствовав, как он напрягся, она легонько провела рукой по его спине, не дотягиваясь до других мест.

Хотя она не знала, как относится другой к Брию, но видела, что привязанность была для него чем-то чуждым.

Она немного отстранилась, чтобы заглянуть ему в глаза, в которых плескался дискомфорт.

"Мне это непривычно", - признался он, и, несмотря на неловкое выражение лица, нежные пальцы не переставали перебирать ее волосы.

"Ну, у тебя это очень хорошо получается!" Она поощрила его, и энтузиазм просочился в ее

голос, а ее прежнее настроение, казалось, улетучилось, и она искренне улыбнулась ему.

В ответ он тоже улыбнулся. Даже если она была совсем маленькой, это полностью изменило его выражение лица, и в результате она почувствовала, как участилось ее собственное сердцебиение.

"У тебя красивая улыбка, Брио", - честно сказала она ему, не привыкшая скрывать свои истинные мысли.

Он покачал головой, сначала не понимая, но потом отвел глаза и покраснел.

"Спасибо", - не знал он, что еще ответить, и находил Полумну озадаченной, хотя внутри у него все странно потеплело.

Как только он заметил, что ее магия улеглась и вернулось обычное безмятежное выражение лица, он медленно отпустил ее, жестом приглашая следовать за ним.

Они пришли на ту же поляну, что и раньше, с луной, до которой можно было дотронуться, и деревьями вдалеке.

Последние несколько недель Полумна занималась с Нежным Шепотом, и хотя магия исцеления давалась ей естественно, теперь, по сравнению с началом занятий, она как будто жила и дышала самой магией. Ее новый фокус был более совместим с ее палочкой, поскольку единственная используемая магия была не насильственной, а скорее тихим призывом работать в команде.

Они снова оказались рядом с прудом, в котором плавал диковинный безымянный цветок.

"Хотя многие считают, что целительство не имеет расхождений, эта область магии в некотором смысле более разнообразна, чем атакующие заклинания. Сильное исцеляющее заклинание может быть использовано для союзников, но в обратную сторону - навредить тем, кто создан из тьмы, например, ожившим трупам или сильно испорченным смертным".

Полумна наклонила голову, внимательно слушая, и на краткий миг в ее сознании мелькнул образ Тома Риддла. Считать ли его? Остался ли хоть один человек? Хотя, что касается последнего вопроса, то же самое можно сказать и о Дамблдоре.

"Исцеление переходит в защиту. Есть чары, используемые для защиты от наступательной магии, а есть целительные щиты, используемые для восстановления энергии одного союзника или группы. Расход энергии прямо пропорционален количеству союзников".

Объяснив это, Брио создал вокруг Полумны исцеляющий щит, не используя для этого ничего, кроме собственной руки.

Мягко закрыв глаза, Луна позволила магии омыть себя. Если бы она могла помочь другим таким образом, ничто не сделало бы ее счастливее.

"Большинство исцеляющих заклинаний не требуют произнесения заклинаний, достаточно лишь четкого сосредоточения и сильной воли. Знание того, почему вы хотите использовать заклинание, а не то, что вы делаете это потому, что знаете, влияет на результат".

Словно в подтверждение своих слов, Брио потянулся в мантию, достал нож и сделал неглубокий порез на тыльной стороне руки, так что из него немного пошла кровь.

Хотя порез был незначительным, Полумне не понравилась мысль о том, что Брио причинил ей боль, хотя она и понимала, что это будет руководством к действию. Знакомое ощущение магии наполнило ее мягким светом, и никакие мысли не занимали ее разум, кроме цели и того, что она хотела сделать.

"Пожалуйста, исцелите моего друга?"

вежливо попросила она.

У магии был голос, по крайней мере в некотором смысле. Когда ведьма или волшебник молчали, за них часто говорили заклинания, их намерения окрашивались в разные цвета. Луна ничем не отличалась от других, ее желание помочь мягко смешивалось с бледно-золотистым цветом, когда маленький шарик света окутывал руку Брио, постепенно исцеляя ее.

Способности Полумны не переставали удивлять Брио: он вполне ожидал, что она создаст такой же щит, как и он, а не просто сосредоточится непосредственно на порезе. По его замыслу, они должны были постепенно перейти к более специальным щитам, но, похоже, в этом не было необходимости.

"Ты превзошла все мои ожидания, Луна". Он впервые попробовал произнести ее имя и понял, что оно звучит не так уж неловко, как ему казалось.

Внезапно её глаза загорелись, и она подпрыгнула на месте от восторга. "Ах, ты назвал меня по имени!"

Наконец-то! Она давно хотела, чтобы в ее мире был кто-то еще, кроме нее самой, и то, что Брио первым сделал это, несказанно ее обрадовало.

Если Луна получала такую радость от того, что он называл ее по имени, Брио постарается делать это почаще.

Некоторое время Брио наблюдал за Полумной, пока она упражнялась в создании щита, хотя все последующее время она была магической конструкцией, наполненной репликами крови и способной оставлять синяки. Так как единственной целью было, чтобы она могла ставить синяки, ломаться и кровоточить, на ее создание у Брио ушло не больше минуты. Медленно, но верно Полумна могла запрашивать требуемую магию быстрее, чем в начале их пути, хотя только практика вне этих занятий позволила бы ей сохранить нынешнюю скорость.

В конце концов он жестом велел ей остановиться, не желая, чтобы она слишком устала, хотя, глядя на нее, можно было заметить легкое изнеможение.

Почувствовав себя истощенной, но довольной, Луна тут же соединила руки с Брио и легла на то же место, что и в первый раз с ним.

.Она так расслабилась, что ее глаза сами собой закрылись.

Брио смотрел на их соединенные руки и лицо спящей Полумны, не желая ни будить ее, ни отпустить. Он с интересом наблюдал за тем, как они обмениваются теплом между собой, держась за руки.

Здесь их никто не потревожит. Большинство не рисковало навлечь на себя его гнев или, по крайней мере, его интерпретацию его реакции, которая, конечно же, преувеличена.

Хотя Полумна и сам Брио оставались в неведении, лес наблюдал, как выражение его лица меняется на мягкое, а холодные глаза мерцают теплом.

Закрыв глаза, Брио уже предвкушал будущие сеансы, которые они проведут вместе.

<http://erolate.com/book/4405/158968>